

СВЕТ ЖИЗНИ

Сергей Владимирович Чекмаев родился в Москве в 1973 году. По образованию психотерапевт. Писатель-фантаст, сценарист, литературный редактор, преподаватель сценарного мастерства в Высшей школе экономики и «Лиге кино», автор более 18 книг и 400 публикаций в периодике. Соучредитель Ассоциации творческих деятелей «Россия – образ будущего», член Союза журналистов России, Союза литераторов России (член Правления, руководитель сценарной секции). Удостоен звания «Выдающийся деятель культуры Российской Федерации» (2012). Лауреат более 20 жанровых наград и премий. Живёт в Москве.

Это был старый дом. Построили его ещё в начале прошлого века, он успел побывать и ночлежкой, и обычной больницей, и даже военным госпиталем, а несколько лет назад стал тем, чем давно хотел быть, — родильным домом. Посечённые временем старые стены недавно заново отштукатурили и покрасили какой-то удивительно светлой розовой краской, и теперь дом стоял опрятный и нарядный.

В нескольких десятках метрах от проходной к забору, окружавшему дом, пристроилась торговая палатка. Сначала дом невзлюбил её. За то, что в шесть утра прямо под окнами начинали рычать моторами ранние машины с товаром, за то, что по ночам около палатки громко ссорились пьяные покупатели.

Но однажды к ней подъехала потёртая «ГАЗель». Дом снова нахмурился: ещё водки привезли, что ли? Но нет — из машины

выпрыгнули трое весёлых парней, один тут же взялся за стремянку, второй сунулся в окошко к продавцу:

— Мы из «Света жизни». Вас предупредили, что приедем сегодня? Отлично. Тогда распишитесь вот здесь.

Рядом с палаткой раскинуло свои высохшие ветви давным-давно погибшее дерево. Дом помнил те годы, когда оно было ещё зелёным, но с тех пор прошло немало лет. Теперь дерево стало людям ненужным, и его давно хотели срубить, да всё никак не доходили руки. Разве что окрестные собаки находили в нём известную прелесть.

И вот теперь отыскалось для старого дерева настоящее дело. Троица сноровисто и бесстрашно ползала по высохшим веткам, опутывала их гибким прозрачным кабелем. Дом косился неодобрительно, эта суетливая работа казалась ему кощунственной.

Когда парни закончили, бригадир снова постучался в окошко:

— Принимай работу, затворник. Розетка есть? Нету?! Что ж ты молчал? Ладно, сейчас сделаем...

Несколько минут неразборчивого бурчания и стуков у задней стенки палатки показались дому вечностью. Наконец:

— Включай...

И дом сразу простил всё и парням из «Света жизни», и продавцу из палатки, и даже её

хозяину, неопрятному крикливому армянину. Потому что дерево, оплетённое странным кабелем, неожиданно вспыхнуло, по мёртвым сухим веткам побежали, словно живые, маленькие светящиеся огоньки.

— Ну как? — радостно хлопнул по плечу выскочившего посмотреть продавца бригадир. — Сойдёт?

— Красиво.

— Ещё бы! На том и стоим. Ну, бывай...

«ГАЗель», напоследок дружелюбно фыркнув мотором, уползла за поворот. Продавец вернулся в своё баночно-бутылочное заточение, щёлкнул невидимым дому тумблером. Дерево погасло. Но вечером, как только пала темнота, оно засветилось снова. И с тех пор дом с нетерпением гнал солнце, как праздник ждал каждый новый вечер. Пациентки, гуляя по дорожкам небольшого парка перед домом, часто засматривались на светлое дерево.

А потом зародилась традиция.

— Ребята, ребята, ну, замрите же! Нет, я так не могу. Витька, что ты всё время дёргаешься?!

Под деревом фотографировались на память, обычно все трое — молодой папашка и счастливая мать с вопящим свёртком. А то и с двумя — бывало и такое, редко, но бывало. Дому льстило, когда он попадал в кадр, он старался приосаниться, принять

официальный вид. Дом часто представлял себе, как кусочек его южной стены, размноженный в тысячах снимков, стоит на полках шкафов, трюмо, каминов или покоится в талмудах семейных фотоальбомов.

Дом многое мог бы порассказать. В его стены, бывало, заходило и горе, случалось равнодушие, когда молодухи, нимало не смущаясь, парой росчерков подписывали какие-то бумаги, легко и быстро отказываясь от самого дорогого. Тогда дом хмурился, горбился под тяжестью лет, а главврач снова писал в мэрию о необходимости выделения средств на ремонт. Но счастья, великого женского счастья, изо дня в день переполнявшего дом от края до края, за всё это время накопилось столько, что дом быстро приходил в себя, расправлял кирпичные плечи, пытался руками-балками прикрыть своих пациенток от всех невзгод. С каждым криком ворвавшейся в мир новой жизни дом молодец ещё больше, и главврач забывал о письмах, мчался в «детскую» и наслаждался многоголосой перекличкой, будто новоиспечённый отец.

Отцы вообще были у дома любимыми гостями. Он, как правский коллекционер, собирал маленькие безумства благодарных своим подругам мужчин. Вот буквально три недели назад, в самый студёный январский вечер, когда у Гали Лавейкиной вот-вот должны были начаться

роды, дом очень огорчился про себя, что Саша, Галин муж, куда-то запропастился именно сегодня. Не ходит по приёмному покою из угла в угол, как обычно, не пытается задарить извечными шоколадками и коробками конфет сестёр и нянечек. Галя очень нравилась дому, спокойная, ласковая девушка, она никогда не гоняла понапрасну медперсонал и с тихой затаённой радостью говорила о предстоящем появлении Лавейкина-младшего.

— Мы с Сашей хотели мальчика, — весело объясняла она своим соседкам по палате. Дом слушал. — Даже имя уже придумали — Никита. И представляете, вчера на УЗИ мне говорят: точно мальчик! Как здорово!

Галю увезли в десять сорок. Только через семь сложных, изматывающих часов врачи смогли устало улыбнуться под масками: Никита негодующим воплем оповестил мир о своём рождении. Измученной Гале показали сына, и она, счастливо кивнув — ни на что другое сил уже не осталось, — заснула. А Саши всё не было, и дом окончательно рассердился на него.

Зато утром он всё понял и даже немного покорил себя за недоверие. Напротив Галиной палаты за ночь расцвёл великолепный розовый куст. На самом деле, конечно, это был шиповник, зябко прячущий свои ветви от пронзительного январского ветра, но изобретательный Саша к каждой веточке

ухитрился привязать пурпурную розу. Он трудился полночи, на весь шедевр ушло больше полусотни роз, но зато когда Галины соседки увидели утром это чудо, они, не сговариваясь, помогли ей подняться и подвели к окну:

— Смотри, Галка...

Галя расширившимися глазами смотрела и молча улыбалась. А внизу пламенел на фоне ослепительного снежного поля куст, и размахивал руками безумно довольный Саша. Недалеко от него топтался и ворчал охранник:

— Ну, нельзя же... Вот, Господи прости, непоседы. Посещения с трёх до шести. Э-эх... Да что говорить.

Дом прекрасно знал: грозные с виду охранники в чёрных комбинезонах только делают вид, что гоняют с территории роддома посторонних. Во-первых, это просто бесполезно. Новопечённые отцы хуже тараканов — пролезут в любую щель. И никакие преграды их не остановят. Один, помнится, нанял в трамвайном парке машину с подъёмной площадкой, что используют для ремонта проводов. Подогнал ночью к стене, да и перелез через забор. Попробуй таких останови. А во-вторых, каждый охранник когда-то и сам был в такой ситуации. Понимать должен.

Да и вреда-то никакого. В палаты их всё равно не пустят — там врачи встанут намертво, а под окнами пускай перекрикиваются. Лишь бы не в тихий час.

— Катя! Ка-атя! Я! Тебя! Люблю!

— Ташка! Эгей! Гляди сюда!

Дом посмотрел тоже. Надо же! Этот уже памперсы-чепчики успел купить — вон размахивает! Заботливый. Главное, чтоб не переборщил. И ничего не перепутал. А то конфузоз в этих стенах случается миллион... Один вот накупил преогромную кипу памперсов, приволок в роддом, размахивал перед всеми. Врачи — люди хоть и всякого навидавшиеся, но всё же сердце у них доброе: так никто и не сказал донельзя довольному отцу, что купил он не то. Памперсы те были на годовалого ребёнка, новорождённого целиком завернуть можно. Раза полтора, а то и два. Ну, ничего. Разберётся по ходу дела.

Но иногда дом всё-таки ругал счастливых отцов. И снова обижался на палатку. Предприимчивый хозяин, быстренько смекнув выгоду местоположения своей собственности, наводнил полки ходовым товаром. Вместе с обычным ассортиментом пиво-сникерс-диол на витрине появились стограммовые пластиковые стаканчики с водкой. Кто-то в своё время метко прозвал сей продукт русским йогуртом, то ли за похожую форму упаковки, то ли ещё за что-то неведомое... Товар сразу пошёл хорошо, будущие и уже состоявшиеся папаши нарасхват разбирали этот нехитрый подогрев. Дом этого очень не любил.

Но приходил день, когда смущённый от внимания, обуреваемый противоречивыми чувствами папаша забирал из роддома жену. И глядя, как он суетится вокруг, как заботится, чтобы она, не дай Бог, не замёрзла, чтобы не поскользнулась, дом прощал ему и кислый запах, и нетвёрдую походку. Пусть...

В ту ночь дом чуть не прозевал большую беду. День выдался счастливым, целая дюжина новых граждан появилась внутри его розовых стен, и дом расслабился, понадеявшись, что всё плохое, по крайней мере, на сегодня уже позади. Но в двадцать три сорок скорая привезла новую пациентку, Анечку Ромашину. До самой двери приёмного покоя её провожал, крепко держа за руку, муж Вадим, суетливый бородач баскетбольного роста. Он бы пошёл и дальше, в родблок, может, даже и рожать бы с ней остался, но врачи не пустили. Оставалось только нервно расхаживать из стороны в сторону по приёмному покою, поскрипывая на поворотах вымытым до блеска линолеумом.

А дом насторожился. Лица врачей после первого обследования Анечки показались ему чрезмерно озабоченными. Что-то было не так. Что-то им не нравилось. Старший акушер Роман, дежурный по отделению сегодня, коротко бросил:

— В третий бокс. Срочно!

Санитары чуть ли не бегом повлекли в патологию каталку с растерянно улыбающейся Анечкой. Роман заспешил следом, на ходу отдавая короткие приказания сестре:

— Вызовите Александрмитрича. Знаю, что не дежурит сегодня! Что с того?! Звоните домой!

В родблоке поднималась суматоха. Спокойное ночное дежурство оборачивалось нешуточной операцией. Дом прислушивался к торопливым переговорам врачей, с каждой минутой они становились всё более тревожными.

Через два часа приехал Александр Дмитриевич Крепин, акушер с тридцатилетним стажем, быстрым шагом прошёл в патологию и тоже надолго застрял там. И вот уже пятый час из-за матовых створок третьего бокса слышались только рубленые короткие фразы, прерывистый писк кардиографа да тревожное позвякивание инструментов. И не было лишь одного звука, которого дом так ждал, — столь знакомого, привычно негодующего первого крика.

Измученный неизвестностью Вадим бросался к любому человеку в белом халате, появляющемуся из-за распашных дверей.

— Что? Что там?

— Успокойтесь, всё будет нормально. Врачи делают всё возможное.

Дом содрогнулся. Вадим не знал, конечно, всю безысходность этой фразы, потому немного

успокоился, перестал мерить шагами узкий коридорчик, присел на краешек кушетки.

Когда врачи начинают заранее оправдываться — жди страшной, непоправимой беды. Это дом усвоил чётко. Сколько их было, этих наполненных беспомощностью и горем одинаковых диалогов:

— Доктор! Всё в порядке, доктор?!

— Извините, мне очень жаль, но я...

— ЧТО??!!

— Я должен задать вам вопрос.

— Ка... какой?

— Кого спасти — женщину или ребёнка?

Каждый такой случай дом помнил наизусть. И не хотел, страшно не хотел вспоминать ещё один. Он собрал всю свою силу, всю радость, весь оптимизм, что копил годами в глубине мощных стен и толстенных перекрытий, и выплеснул в третий бокс. Туда, где трое усталых, измученных врачей боролась за жизни, ДВЕ жизни. И руки у них уже готовы были опуститься.

Распашные двери хлопнули снова. Вадим вскочил. Почерневший и осунувшийся от усталости Крепин, на ходу стягивая резиновые перчатки, встал у открытого окна. Достал трясуцимися пальцами пачку сигарет, нервно закурил. После второй жадной затяжки он обернулся к Вадиму, который так и не смог вымолвить ни слова.

— Всё в порядке. У вас мальчик. Красивый, здоровый мальчик...

— А как... как Аня?

— Она спит. Роды трудные были, ей надо отдохнуть.

А на улице ветер мотал из стороны в сторону засохшие ветви старого дерева. Казалось, огоньки светового шнура затеяли какой-то одним им известный танец, как непоседливые светлячки тёплой крымской ночью. В этой суматохе никто, конечно, и не разглядел бы, как на одной из дальних веток перестал тревожно моргать и загорелся чистым ярким светом один из огоньков. Ещё секунда — и рядом с ним ослепительной белой точкой вдруг вспыхнул другой, поменьше.